

АКСАКОВСКОЕ

Свечной наплыв растёт до потолка
Зубастой тенью — тучей
с рваным краем.

Она глотает блики-облака,
Со шторами сливаясь, замирает.
И мнится, что над Знаменским

дожди
Залили рожь крестьянскую на поле.
— Передохни, мой цветик, обожди.
Нет весточки ль какой из той юдоли,
Где вырос я, где мой остался дух
У Кудринской горы, Грачёвой рощи
И у пруда, где лебедей из рук
Кормил я хлебом?

Крошишь милым, крошишь...
Могилы предков, храм — души приют,
Манят к себе, и бор зовёт с ружьишком.
По зале слуги резвые снуют,
Меняют свечи, будет передышка
Уставшей дочке — с раннего утра
Под запись ей отец диктует строки
Про красоту дворянского угла,

Про Оренбургский край,
мечтой высокой
Наполнены сказанья старика
Полуслепого, взором чище неба.
Благая весть пришла издалёка:
«Убрали рожь, крестьянам
хватит хлеба».

И тучи растворился силуэт,
В глазах незрячих алый жар камина
Цветочком стал, его прекрасней нет
На детской полке между книг
любимых.

И со страниц степной задул «Буран»,
И клюнул язь в «Записках об уженье».
Слетел, как с плуга грязь,
былой обман,

Что только ссыльных
в Оренбуржье тленье.
И распахнулся первозданный мир
Во всём богатстве недр,
в обилье злаков.
К нам дверь открыл родной земли
кумир —
Великий Зодчий русскости Аксаков!

Виталий Митрофанович Молчанов — председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор областного Дома литераторов им С. Т. Аксакова. Лауреат многих премий и конкурсов, дипломант V международного конкурса памяти В. Добина, победитель литконкурса интернет-журнала «Лексикон» (Чикаго), победитель литературного конкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези» (Украина), обладатель звания «Стильное перо» по результатам фестиваля «Русский стиль – 2009» (ФРГ). Автор семи поэтических сборников.

ХРАМ

Ты вёслами машешь на месте,
и шумные всплески
Пугают ершей в редких чащах
подводных растений.
Замученный храм на пригорке,
теряющий фрески,
В речушку глядит,
как в могилу былых песнопений.
Обсели пичуги рядками
отрубленный купол —
Бесстыжие люди со лба позолоту
содрали
И остов сожгут — дай лишь время —
назвавшийся плутом
Не ценит века без цветмета,
железа и стали.
Воздев к небесам из-под нимбов
бельмастые очи
С ладони воды, словно духи
бесплотные sklepa,
Угодников лики в пустом алтаре
мироточат
Вселенскою скорбью — прозрачно,
возвышенно, лепо.
Разбитый свой лик обтирает заря
облаками,
Кровавые слёзы поныне в России
нередки.
А лодка стоит, будто днищем
наткнулась на камень,
И шлёпают вёсла, как будто
в невидимой клетке.
«Не мель, не преграда —
Храм Божий меня не пускает!» —
Дошла наконец до ворот
в рваной рясе обида:
«Деревни бредут в города
и сбиваются в стаи,
А родину — церкви, дома —
посещают для вида
Всё реже и реже — траву оборвать
на погостах,

Пока не порвётся та нить,
что духовным связала;
Пока не закроется дверь,
не отравится воздух
Тяжёлым и спёртым дыханьем
безлюдного зала...»
И я помолился, как мог,
на дрожащем на русском,
Принёс покаянье в грехах,
попросил о спасенье.
И тихо меня понесло
по спокойному руслу
Без вёсел и паруса плавное
Божье течение.

СТЕПЬ ПЕРЕЛЁТНАЯ

Вячеславу Моисееву

Заката пламенные угли
Сгорали в пепел серый, мглистый.
Шёл месяц — тучен и насуплен,
В плаще из тьмы евангелистской,
Роняя звёзды где попало:
— Зря доверял портнихе-ночи...
Вдруг встрепенулся: «Степь пропала!»
...она летела по-сорочьи,
То вверх, то вниз, хвостом ковыльным
Скелеты обметая вышек.
Злой месяц, покраснев бессильно,
Откинул капюшон и вышел.
В пере белел снежок ноябрьский,
Чилижные чернели крылья.
Над Каргалой гремел татарской
Град из камней, земли и пыли.
... она летела над огнями
И чадом газовых заводов.
Как дети, тонкими руками
Вцепились в спину речек воды.
Озёра — слёзы голубые —
Камыш хранил от расплесканья,
А птицы, в темноте слепые,
Сгрудились в травах тесно, стайно.

Цветы прижались — сухостой —
К груди меж сусликовых норок.
Сон разума, «Капричос» Гойи, —
Под ней индустриальный морок:
Разливы пятен нефтяные,
Как вены умерщвлённых — трубы.
... она летела над пустыней,
Оставив будущему трупы
Полей, пробитых буром скважин,
Пригорков, срезанных ковшами,
И родников, хлебнувших сажи,
Засыпанных солончаками.
... Летела степь, храпели трутни
В панельных городских могилах.
Дивился месяц: «Ночка-блудня
Обратно звёзды не пришила».

НЕГОЦИАНТ

Может с каждым случиться —
тяжёлой рукой неудача
Тюкнет в темя разок, отключая
тебя на года,
Чтоб, скатившийся вниз,
ты дошёл до голодного плача
На обочине жизни, почти до петли,
и тогда —
Как факир из цилиндра —
умело, расчётливо, споро,
Из кармана судьбы вдруг достанет
счастливый билет
Некто в тёмном пальто,
в мятой шляпе коммивояжёра,
С перевёрнутым перстнем,
скрывающим факсимиле.
Раскатаешь губу, взгляд надолго
прилепишь к оправе
Ледяных кругляшков,
запечатавших прорубь стекла:
«Валуны твоих бед измельчатся
в спасительный гравий.
Ну, смелей, дурачок, мчись вперёд,
закусив удила,

Выбивая копытом
не искры снопами — монеты,
Ты теперь бизнесмен,
получивший невиданный грант.
Я прошёл сто дорог, продавал
по дешёвке советы,
Но нашёл, что искал», —
и представился: «Негоциант».

Может с каждым случиться —
бедром прикоснётся фортуна,
На колени запрыгнет и станет
лизать языком,
Чтоб по лестнице вверх
ты поднялся красиво, гламурно,
Обрастая полезными связями
впрок, и потом —
Как факир из цилиндра —
умело, расчётливо, споро,
Из кармана судьбы вдруг достав
неоплаченный счёт,
Некто в тёмном пальто,
в мятой шляпе коммивояжёра,
С перевёрнутым перстнем,
нахмурясь, к тебе подойдёт:

«Ты весьма преуспел —
вид вальняжный, шикарны обновки,
На широкую ногу торговля,
хваляю за талант,
Но остался должок, подписать нужно
капелькой кровки
Под печатью моей — видишь,
выжжено: «Негоциант».
Память вспять поплывёт —
по течению быстрому лодка,
И дырявым корытом причалит,
ломаю корму.
Ты кивнул, соглашаясь,
подачку сжимая неловко:
— Крестик снять свой облезший?
Да-да, непременно сниму.

ВОРОНЁНОК

Он просто выпал ночью из гнезда,
Комочком перьев раздирая ветки...
Лиловая небесная мездра
Дождём сочилась, сукровицей редкой,
Прилипнув гематомой облаков
К ладошке остывающей вокзала.
А рядом, потревожив светляков,
Упавшего трава к груди прижала.
Сначала было страшно и темно:
Кричала мать, отец шумел крылами,
Пока, привычно вывернув руно,
Не прикоснулось утро рукавами,
Вернув тепло, спокойствие и свет.
Червяк исчез проворно

в жёлтом клюве.

Семейный мигот порешил совет
Кормить поочерёдно, в карауле
Стоять, храня от алчущих клыков
И хищных лап, свою беднягу-детку.
Малышки с прилегающих дворов
Птенцу несли кто муху, кто конфетку.
Смеялся тихо городской вокзал,
От бликов щуря вычурные окна.
А день в одеждах солнечных дрожал
Над парком, развалившимся
дромотно.

Когда комками ваты облака
Прижались к ранам алого востока,
Безжалостно тяжёлая нога
Птенца в крыло ударила жестоко,
И на глазах у стихшей мелюзги
Вторично поднялась,
в траву втоптала...

... Стихали долго пьяные шаги.
Гудок электро-слёзно ныл с вокзала,

Вороны, страшно каркая на смерть,
С гнезда срывали прутьики пелёнок.
Сердца детей заставил отвердеть
Комочек перьев — горе-воронёнок.

* * *

Читаешь землю по степной траве
и по колкам, разбросанным не густо,
следам зверей на глинистой тропе,
по клиньям птиц в осеннем небе
грустном,
по резвому журчанию воды,
стекающей по каменным протокам,
по смолке — каплям тающей слюды
со щёк сосны в молчании высоком,
по росчерку стрижиного крыла,
по облаку, зовущему в объятья,
в озёра глядя, словно в зеркала,
с наивной верой в то,
что все мы братья.

Читаешь землю по делам людей,
неправедно и праведно живущих,
творцов, глупцов, носителей идей,
богатых, бедных, власть в руках
имущих,
с закрытой и распахнутой душой
от благородства и до окаянства.
Россия — планетарный шар
большой,
Аксаковым поставленный
на царство
в Галактике, чьи звёздные миры
Так далеки от нас, непостижимы...
Читаешь землю, ешь её дары
И на судьбе своей латаешь дыры.